

На следующее утро Тимка проснулся рано. Матери рядом не было, зато с кухни разносились приятные ароматы горячего завтрака.

— Мам, доброе утро! — крикнул он.

— Доброе утро, сыночек! — ласково отозвалась мать. — Вставай, умывайся быстренько! Я такой вкусный завтрак приготовила!

Тимка поднялся с постели и, усевшись в кресло, включил телевизор. Переключая каналы, он натолкнулся на утреннюю гимнастику. Девушки в спортивных обтягивающих костюмах демонстрировали всем свою гибкость и лучезарные улыбки.

— Мдя... — буркнул, усмехнувшись, Тимка.

— Сыночек! Завтрак готов, иди кушать! — услышал он слова матери.

— Сейчас, мам! Иду! — отозвался он, продолжая смотреть программу.

— Завтрак остывает, молодой человек... — улыбнулась мать, входя в комнату. — Мамочка ждёт...

Тимка выключил телевизор и повернулся к матери.

— Да передача интересная была... — начал было он, но умолк.

Мать, улыбаясь и похотливо глядя в глаза, подошла к нему и, упершись своим животом, протянула ему тесьму от халата. Тимка машинально потянул за неё, и халат матери разъехался в стороны.

— По-моему, это гораздо интересней любой передачи... Ты не находишь? — томно растягивая слова, произнесла мать, и пошире распахнула халат, предоставив обзору свой большой, уже опустившийся беременный живот.

— Определенно... Давай-ка снимем твой халатик, мамочка... — произнес Тим, бесцеремонно раздевая мать.

Халат упал к ногам и Тимка хамовито наступил на него, ещё ближе придвигаясь к матери, обнимая и прижимая её живот.

— Ох... негодник... — улыбнулась мать, потрепав его за волосы. — Так и норовишь живот прижать. Сейчас уже аккуратней нужно... Думаю, на днях уже рожать буду...

— Хммм... — улыбаясь и продолжая прижимать живот матери, произнес Тим.

В этот момент мать опустила на колени, норовя прильнуть к члену сына.

— Нееет... иди сюда... — прервал он материнский пыл, поднимая и увлекая её на диван.

— Ну, тогда ложись... — предложила мать. — Тебе определенно нужно слить, а то вон какой напряженный...

Тимка деловито улегся поперек дивана и расставил ноги. Мать, устроившись между ног стоя на коленях так, что живот лежал на её ногах, принялась поглаживать Тимкины грудь и живот, плавно спускаясь к члену.

— Знаю я вас, мужиков... — приговаривала она, улыбаясь. — Мужик должен «пустым» ходить, тогда он добрый...

— Хорошая заповедь шлюхи... — вальяжно произнес Тим.

— А что тебе шлюхи? — засмеялась мать. — Между прочим, очень грамотные женщины. Уж, что касается «клиента», то это их хлеб, и они прекрасно знают, как его ублажить.

Тимка ощущал приятную истому в теле, и этот разговор с матерью, абсолютно свободный,

лишенный всяких табу, подогревал общую страсть.

— А как ты стала женщиной? — внезапно спросил Тим.

— Хм... — смутилась мать. — Ну... как... ? Хм...

— Да, — продолжал Тимка. — Сколько тебе тогда было?

— Хм... как... Жили мы тогда на Украине, в Харькове. Бедно жили. Училась я в ПТУ. А на каникулах решила матери помочь. Устроилась по блату на молокозавод бидоны мыть. Там влилась в коллектив, одни бабы. Вот и наслушалась от них много чего про «взрослую» жизнь. А тут как раз делегация партийная как-то приехала. Ну, меня один из делегации заметил и к себе в гостиницу пригласил. Тогда я впервые вино попробовала и закуски всякие вкусные. Ну, выпили мы с ним... Чувствую, он ноги мне раздвигает, а у меня звон в ушах и пелена на глазах. Проваливаюсь куда-то... Дальше помню только его улыбающееся лицо, боль между ног... «Ай, тыж моя хорошая!» — говорит он. «Всё было просто чудесно! Никогда такого наслаждения не испытывал... Молодец!» Застегнул себе ширинку, вытер мне промежность полотенцем, положил 50 рублей на тумбочку у кровати, поцеловал и уехал с делегацией. Вот такая «романтическая» история...

— А он в тебя кончал? — спросил Тимка.

— Нет, — улыбнулась мать. — Он спускал на меня, но я уже была «образованная», поэтому пулей бросилась в душ и отмывалась-отмывалась... Потом плакала... но деньги взяла и все отдала матери. Хоть денег дал, а других, как бабы мне потом рассказывали, просто так драли. И многие после этого в положении оказывались, абортывали. Такая уж наша бабья доля... Сын с интересом слушал её рассказ и как-то зло улыбался. В этот момент руки матери активнее заходили по телу сына и член Тимки оказался у матери во рту.

— Ммм... — замычал от блаженства он. — Чудесно, мамочка...

Мать ласково заглотила член и языком ласкала головку, проявляя превосходное мастерство. Член упирался прямо в горло, и горячее дыхание обжигало головку.

— Так он тебе целку порвал? — возбужденно спрашивал сын.

— Дддааа... — освободив рот, отвечала мать. — И хорошо так порвал, кровило меня тогда не слабо... Тебя это возбуждает?

— Оооч... — начал было Тимка, но вновь набросившаяся на член мать, сбила его дыхание и он не окончил фразу.

— Ммм... — рычала мать, делая минет. — Ддааа... он мне тогда сильно порвал целку и я стала женщиной в девятом классе...

— Оооо... дддааа... — возбужденно рычал Тим. — Ддаа... мамочка, да! Ты ж моя хорошая...

— Ой... — произнесла мать, вновь освободив рот. — Скажи еще раз.

— Ты ж моя хорошая... — улыбаясь, произнес сын, глядя на мать. — Всё было просто чудесно! Никогда такого блаженства не испытывал... Молодец, девочка!

— Оммнн... — закрыла глаза мать и сжала свои соски. — Аааййй... словно в юность вернулась... Мммм... ннннААААййй...

— Да... хорошая моя... — продолжал сын. — Ну-ка, садись на меня! Хочу снова «порвать» твою целку...

— Ой... — рассмеялась мать и, плавно поднявшись, залезла на диван. Сексуально перекинув свою ногу, она оказалась между ног сына. — Да, сладенький мой, сейчас... только мамочка там уже все «порвала», пока вас с Танькой рожала...

Направив напряженно стоящий кол сына в своё текущее влагище, мать взвыла от

блаженства, когда его головка уперлась ей прямо в матку. Тимка почувствовал обжигающее нутро возбужденной матери и застонал. Его воспаленный мозг рисовал различные картины неведомого. Ему казалось, что он уже вышел из своего тела и невесомо парит над всей этой картиной. Мать, возбужденно дыша, стала ритмично насаживаться на член, смакуя каждое проникновение сына и соприкосновение лобков. Тимка при каждом касании матки млел и улыбался. Шейка словно целовала его там внутри, в благодарность за доставленное блаженство.

— Оооммнн... Ты трахаешь, как твой отец... тоже норовишь... поглубже... — простонала мать.
— Членом прямо в матку упираешься... он у тебя большой такой... А ведь когда-то маленьким... писюном был... на горшок сажала... а теперь... АААййй... входи в меня, сыночек! Дда... трахай меня!... АААййй... Ма-моч-ки-и-и...

— Ддаааа... Я вхожу в тебя, мамочка! — возбужденно отвечал Тим, ритмично входя в мать. — Членом достаю твою матку... я обожаю тебя трахать, мамочка... Ооо-ой, тыж моя хорошая! Ну, каааа... йф...

— АААмммннн... ООУууу... — ныла мать, крутя головой. — Кобель ты мой... ненасытный... ко... бель... АААййй! ООУуууфффф... Фффф... УУУмммм... ННН... ннАААййй!

— Да, я кобель, я трахаю свою мамочку... — ухмыляясь, а затем уже твердым тоном произнеся. — Так, теперь садись на раскорячку, как вы там сидите, когда ссыте...

Мать, возбужденно дыша, покорно согнула ноги и уперлась руками сзади о колени сына, давая Тиму обзор своей раскрытой пизды.

— Оооуууфффф... ООУммм... посмотри... как у меня там... всё... хлю... па... ет... ОУууфффф... — крихтела она, продолжая насаживаться на член. — Тебе видно, сыночек?

— Мммм... — радовался Тим. — Вижу, мамочка! Какая разработанная у тебя пизда... розовенькая такая... Иди ко мне... да, вперед... насаживайся полностью на мой член... Только секундочку подожди... Давай, садись!

С этими словами он положил свою руку к себе на лобок, пальцами удерживая член. Таким образом, когда мать подалась вперед, её живот целиком лег Тиму на вытянутую руку, а его пальцы ощутили её влажную щель. — ООУууу... сыно... ООчек, осторо... ООУууу... Не сжима... АААййй так клиторрр... Оууу... йййААААйййй! Ооуууу... ненасыт... ный ка... акой... ААААйййй!

Тимка в возбуждении с силой сжал напряженный клитор матери, который почти на сантиметр выпирал над половыми губами. Вдобавок тяжелый, лежащий на руке беременный живот, добавлял возбуждения и разврата. Вдоволь наигравшись с клитором, Тим перевернул ладонь. Теперь живот плюхался прямо в неё, и сын ощущал насколько тяжелым и твердым он был.

— Хммм... Да, тяжело вам, бабам, ходить, с беременным пузом... — вальяжно произнес он.
— Дддаааа уж... ууууфффф... всё ради вас, детки... фффф... — простонала мать, опускаясь на сына.

Живот плюхнулся Тиму на ладонь и в этот момент он ощутил шевеление плода.

— Оуфффф... — простонала мать, улыбнувшись. — Ну... чувствуешь? Сестренка твоя младшая пинается...

— Ддаа! — возбужденно ответил Тим. — Вот... еще раз чувствую... Так классно!

— Уууумммм... фффф... — продолжая насаживаться, стонала мать, держась за низ живота. — Оохх... НннААА... ммм...

— Остановись пока... посиди с членом внутри... — приказал сын. — Хочу посмотреть на твоё молоко, мамочка!

Мать остановила свои «безумные скачки» и левой рукой начала массировать свою грудь, правой рукой она продолжала сжимать низ живота, постанывая при этом.

— Да она у тебя уже помассирована! — резко произнес сын. — Вон сколько прыгала... Давай, покапай на меня молочком!

Мать стала медленно сжимать и оттягивать свою грудь. После нескольких давлений выступило молозиво и стало капать на Тимку.

— Да, это классно! — обрадовался Тимка. — Давай еще! Опустоши свои груди!

Капли молозива стекали по рукам матери и попадали на живот сына.

— Ещё-ещё! — подстегивал он мать. — Вон сколько его у тебя... выдаивай его, корова...

— Все вы мужики... кобели... УУУффф... ннАААййй... — стонала мать, оттягивая сиськи и извлекая молозиво.

— Смотри, как покраснелось твоё вымя! Действительно коровье... — улыбался в ответ Тим, а затем твердо произнес. — Ладно, дорогая, хватит доиться... Теперь откидывайся назад, как раньше... Приподнимись... да, вот ттааакк... Пстой-ка вот так...

С этими словами мать приподнялась, и член вышел из влагалища.

— Стой так! — повторно произнес Тимка, подкладывая себе под спину подушку и обхватывая «вышедший» член.

— Теперь садись... Полностью! — твердо произнес он, смотря вниз на свою руку с членом.

Мать стала медленно опускаться, и сын почувствовал, как постепенно его рука вместе с обхваченным членом стала входить в неё.

— Оооууу... ффф... — застонала мать, продолжая опускаться. — НННаааайййй... Мммм...

Беременный живот полностью лег на живот сына. В тоже время сжатая ладонь Тимки вместе с членом полностью погрузилась в недра матери.

— Вот ттаааккк, дорогуша... — деловито произнес Тимка, поворачивая внутри свою руку, размещая её под членом.

— ОООййй... сыночек... ННННаааайййй... — стонала мать.

— Ддааа, мамочка... хорошо... оччень хорошо... — деловито и холодно произносил сын, начиная энергично ебать мать, поднимая и опуская свой низ живота.

— О... ОООййй... У... УУффф... О... ООххх... — стонала мать при каждом новом толчке сына. — Чув... ству... ешь... ма... аатт... куу... ?

Сын рукой уже давно ощутил опустившуюся и ощутимо расширенную шейку матки. Он прижал её к своему члену и, совместно обхватив и член и шейку, совершал фрикции.

Внезапно даже для самого себя его член разрядился мощным потоком спермы.

— ООООйййй... МАМОЧКИии... ! — закричала мать, почувствовав, как горячая струя ударила ей прямо в шейку, а потом она шептала. — Хороший... ты — лучший... мой... только мой...

ОООмммм... уууффф...

Тимка чувствовал, как сокращается влагалище. Он опустил свои ягодицы на диван и, высунувшаяся рука из влагалища, освободила выход скопившейся сперме. Она хлынула потоком, вобрав в себя попутно любовные соки матери.

—... Ну,... силен ты,... поросенок... Завидую... твоей будущей жене... измотал меня... всю... — возбужденно дыша, произнесла мать и перевела ноги в классическую позу «наездницы», откинувшись назад...

Часы показывали 9:45. Любовники нехотя поднялись с дивана, простынь которого была обильно залита спермой.

— Ты, мой хороший... — улыбалась мать, целуя сына. — Всё было просто здорово, спасибо тебе!

— Тебе спасибо, мамочка! — улыбался Тимка. — Ты у меня самая классная!

— Наспускал-то сколько! — смеялась мать. — Значит, я еще того... могу?

— Да, что ты, мамочка, — лукаво улыбнулся сын. — Ты еще сто очков вперед всем этим...

Они обнялись и вместе направились в душ и вскоре вышли оттуда чистые и довольные.

— Я, лично, проголодался... — сказал Тим. — А ты?

— Ой, сынок, мы тоже. — улыбнулась мать, поглаживая свой живот. — Пошли завтракать?

— С удовольствием. Что там у нас?

— Курочка с рисом, как ты любишь.

— Ух ты! Мамочка, ты прелесть! — обрадовался сын, и они приступили к завтраку.

Сын уплетал всё со скоростью молнии. Мать ласково смотрела на него и улыбалась, видя, как её дитя уплетало горячее.

— Проголодался? — спросила она.

— М... гу... — кивал Тим, продолжая жевать.

— Ну, кушай-кушай... Не буду тебе мешать.

Время завтрака прошло очень быстро, поскольку тот аппетит, навеянный утренней «зарядкой», показал себя в полном объеме. Уже после завтрака, собирая со стола посуду, мать сказала:

— Сынок, нужно в магазин съездить, купить кое-что.

— Да с удовольствием! — ответил Тим.

— Вот, тебе... — сказала мать, протягивая ему листок со списком. — Сама-то я не могу... Живот уже опустился... да еще после утра...

— Ну, еще бы... Такие скачки были! — улыбался сын, целуя мать. — Пошел одеваться.

— Давай, сынок, только купить нужно всё.

Тимка быстро оделся и, забрав хозяйственную сумку, висящую за дверью на кухне, ушел. Это произошло так быстро, что мать даже не услышала, как закрылась дверь после его ухода.

Поэтому, когда вдруг раздался звонок, она произнесла:

— Тима, сынок! Открой, пожалуйста!

Но Тима не было. И повторный звонок заставил её выключить воду и пойти открывать, решив, что он что-то забыл, поэтому вернулся.

— Забыл что-то? — произнесла она, подходя к двери и машинально её открывая.

Каково же было её удивление, когда на пороге она увидела Кирилла.

— З... здравствуйте... — поздоровался Кирилл, смущенно отводя взгляд от матери.

— А, здравствуй, Кирилл! — ответила мать. — Проходи, только Тима нет, он в магазин поехал только что.

Кирилл вошел, держа в руках пакет.

— Это в... ввам... — протянул он пакет матери, стараясь отвести от неё взгляд. — Просили передать.

— Что это?

— Мне сказали нужно передать... кассету.

— В смысле? — не сразу поняла мать.

— Ну, отцу позвонил знакомый и попросил передать кассету по этому адресу.

— А, ну, поня... — начала было мать, заметив взгляд Кирилла, временами падающий на её живот. Вот он вновь посмотрел на неё, точнее, на него и быстро отвел взгляд.

— С... спасибо, Кирилл. — поблагодарила мать, беря сверток и с интересом глядя на него. — Ты завтракал?

— Да, спасибо, я уже поел... мне пора... — ответил Кирилл.

— Куда пора? Давай хоть чай попьешь? — улыбалась мать.

— Ну, чай... можно... — ответил гость, отводя от матери взгляд.

— Ну, вот, так уже лучше. — сказала мать. — Проходи, руки мой. Вытирайся любым полотенцем, а я чай налью.

Кирилл пулей влетел в ванную и закрыл дверь, учащенно дыша. А мать прошла на кухню и... только здесь, когда взгляд её упал на стул, она с ужасом обнаружила лежащий на нем халат. Да, на ней в самом деле не было халата!

— Боже мой! — прошептала она. — Что же он... Бедный мальчик! Хотя...

Она прокручивала ещё раз этот момент встречи и... рассмеялась.

— Дура я дура! Ещё удивлялась, чего это он пялится на меня! Ну, дура-баба! Представляю что он там себе насочиняет... Бедный!

Но также внезапно она осеклась. Неожиданная дьявольская и настойчивая мысль овладела ею.

— Почему «бедный»? — спрашивала она себя и сама же отвечала. — Он — мужчина! Что же я... с сыном могу, а с этим нет? Нет... могу и с этим! И ничего мне никто не скажет! Ммм... а как он на меня смотрел!

Её рука машинально легла на живот и, ощутив свою девятимесячную ношу, принялась гладить его.

— А не буду я одеваться! Не хочу! — капризно улыбнулась она. — А там... а что, интересно, будет?

Кирилл вышел из ванны и смущенно, крадучись, проследовал на кухню.

— Умылся? Ну, садись, я уже чай наливаю. — ласково, без тени стыда, произнесла мать.

Кирилл сел, потупив взгляд в пол, изредка посматривая в никелированный кофейник, стоящий перед ним. Он видел мать Тимки, которая стояла, повернувшись к нему спиной, и наливала чай. Он осторожно повернул голову... О, Боже! Так близко видеть взрослую женщину... с широкими бедрами и шикарным телом... в этих белых обтягивающих трусиках, ажурном лифчике, ему не доводилось ни разу! И, к тому же, это была мать его друга-однокурсника! Он хотел уже отвернуться, но внутри него словно заклинило пружину, и он продолжал оставаться в таком положении. В этот момент у матери выпала ложка, которой она размешивала сахар. У Кирилла всё сжалось, но сил отвернуть голову просто не было! В добавок, мать медленно, словно смакуя свои движения, нагнулась за ложкой... В этот момент взгляду Кирилла предстало ТО, что делает всех мужчин безбашенными перед женщинами. Мясистые складки половых губ дерзко впились в ажурные белые трусики, выпирая и показывая, насколько они налитые перед родами. Мать словно не сразу увидела упавшую ложку и, поэтому слегка расставила ноги в стороны и присела, поднимая упавший предмет. Затем она также медленно поднялась, как ни в чем не бывало. Кирилл судорожно развернулся к столу и смотрел в кофейник. Он увидел, как мать развернулась, поправила груди, вываливающиеся из лифчика, а затем, взяв две чайные пары, прошла к столу со

словами:

— Ну, вот и чай! Заждался?

— С... спасибо... — промямлил Кирилл, беря из её рук чайную пару.

— Осторожно только! — предупредила его мать. — Очень горячий...

Но было уже поздно! Кирилл нервно отхлебнул из кружки кипятка и, дернувшись, пролил его себе на брюки.

— Мммм... — застонал он.

— Ой, миленький... больно... больно, я знаю... — мать бросилась к нему и полотенцем стала вытирать брюки. — Снимай их! Давай посушу!

И Кирилл, недолго думая, снял брюки. И, лишь когда они были на полу и мать подняла их, то сообразил, что остался в одних трусах... Пытаясь прикрыться, он судорожно потянул брюки из рук матери, крепко держащей их.

— Ну... ну-ну... расслабься. — глядя на него и улыбаясь, говорила мать. — Не нужно стесняться. Что я вас, мужиков, в трусах не видела?

Кирилл отпустил брюки, а мать унесла и повесила их на балконе. Вернулась она веселая, приятно улыбающаяся.

— Представляешь, как назло нечего дать тебе надеть, всю одежду постирала...

— Да ладно... — уже смелее и как-то безнадежно произнес Кирилл. — У вас тоже вроде как...

— Да уж, — засмеялась мать, оглядывая свой лифчик и трусики. — Теперь мы в равном положении.

Наконец и Кирилл улыбнулся в ответ на слова матери Тима.

— Попил чайку, называется... — засмеялся он.

— Ты прости меня, дуру! Налила кипятка, не остудила... — произнесла мать, подходя к нему, нежно прижимая его голову к своему животу и теребя волосы. — Мальчик мой...

Кирилл ощутил приятный аромат женского тела и упругость беременного живота. Организм молодого самца забурлил и без того напряженный член завибрировал и... выстрелил в трусы, извергая накопившуюся сперму. Мать с удовольствием смотрела за этим процессом и лишь сильнее прижимала его голову к животу.

— Чщц... кончай-кончай, дорогой... Давай... — шептала она. — С природой не поспоришь...

С этими словами она почувствовала, как правая рука Кирилла обняла её ягодицы, а левая поглаживала и слегка надавливала на лобок, плавно опускаясь к половым губам.

— Ой... какие у тебя руки ласковые... — прошептала она. — А, может, вот так... так удобнее будет?

С этими словами она подняла свою правую ногу, и поставила её Кириллу на коленку, повернув в сторону и давая большую свободу и обзор. И в тот же момент мужская рука уже поглаживала промежность. Рука поднималась до низа живота и плавно скатывалась в пространство между ног, при этом мать чувствовала возбужденное надавливание. Она смотрела на него сверху вниз, как смотрит королева на своих приближенных, обожающих её, но не имеющих возможности приблизиться, — снисходительно и лукаво.

— Ну, как? Нравится? — прошептала она, теребя его волосы.

— Может, снимем трусики? — внезапно услышала она в ответ.

— Хмм... пожалуй... они мне и так уже давят...

Мать отпустила голову подростка и, опустив ногу, эротично положив руки на пояс, игриво произнесла:

— Ну... Снимай их!

Руки Кирилла, немного трясущиеся от возбуждения, потянулись к трусикам матери.

— Смелее... мальчик мой... — шептала она, возбуждая его. — Сними их с беременной женщины... они уже такие влажные...

— Мммннн... — зарычал Кирилл, овладевая собой и борясь со своей робостью.

— Тигр мой... — услышал он из уст матери. — Ну... вот таакк...

В этот момент мать взяла его руку и вместе со своей рукой принялась снимать бельё.

— Посмотри, какие у меня губки уже влажные... — произнесла она, когда трусики уже были спущены. — Потрогай там... они такие припухшие...

— О, это точно... — уже спокойнее произнес Кирилл. — Ммм... такие пухленькие!

Его рука, освободившаяся от материнской «опеки» с упоением легла на мясистые губки матери, ощутив при этом обильно текущую смазку. Пальцы погрузились между губ и раздвинули их.

— Ё... — только и сумел произнести он, ощутив столь обильную смазку.

— Да, мальчик мой... — поняв его реакцию произнесла мать, смеясь. — ... вот такая у меня большая девочка... Поди, не девочка уже...

Мужские пальцы ловко работали с материнской пиздой и следующим объектом исследования стало влагалище. Провалившиеся три пальца заставили парня открыть рот и вскрикнуть:

— Вот это дырка! Вау! Превосходно...

— Нравится? — ласково спросила мать, помогая указательными пальцами своих рук раскрыть половые губы, давая полный обзор гостю.

— Ддд... дааа... — протянул Кирилл, сглотнув слюну.

Его пальцы, обильно покрытые материнской смазкой, продолжая исследование, наткнулись на бугорок внутри влагалища.

— Оооуууффф... — застонала мать, когда пальцы коснулись шейки. — Шейку трогаешь, про... каз... ник? УуууФФФ... поня... тно всё с вааа... ми, моло... дой чело... век.

— Может... в постельку? — внезапно спросил Кирилл.

— Ммм... пошли, мой хоро... ший... ляжем... — улыбаясь и увлекая его за собой, отозвалась мать.

— На кровать, или на диван? — уже бесцеремонно спрашивал «заведенный» гость.

— На кроватку...

— Вы здесь спите? — спрашивал он, входя в комнату.

— Слушай, может быть на «ты»? Или... Просто я чувствую себя как-то неловко. — произнесла мать, повернувшись к гостю.

— Без проблем, на «ты» так на «ты»! — с готовностью ответил Кирилл. — Ты здесь спишь?

— Да, это моя комната.

— А Тимка где? — сразу спросил он.

— В зале, на диване.

— Ну и пошли на диван, там места больше... — предложил гость.

Мать с интересом посмотрела на него и уставилась с изучающим взглядом. Некоторое время в квартире стояла тишина, нарушаемая только радио. Кириллу было неловко, когда на него смотрела мать, но он взял себя в руки и, поборов нерешительность, взял её за руку.

— Пошли! — сказал он и увлек её за собой из комнаты.

— Какие же вы, самцы, собственники! — смеялась она. — Я недавно смотрела «в мире животных», так там рассказывали, что у львов каждый новый самец заново перетрахирует всех самок, чтобы вывести семя предыдущего самца. Ты хочешь подсознательно переплюнуть Тимку?

Вдруг мать осеклась и закрыла себе рот, понимая, что сболтнула лишнего. Кирилл, немного обескураженный таким откровенным заявлением, приостановился, совершенно сбитый с толку.

— В каком плане «переплюнуть»? — задал он вопрос.

— Ну... — начала мать. — Не обращай внимания, это бабский треп... просто.

Однако, гость уже сверлил глазами мать. А покрасневшие щеки и слегка выступивший пот на лице выдавал в ней, что всё сказанное правда.

— Обалдеть! Это правда? — удивленно подняв брови, произнес Кирилл. — Ты трахалась с Тимкой?

Мать смотрела на него и не знала что и как ответить. () Эта чертова несдержанность, спорхнувшая с губ... Сейчас еще разнесет по городу, институту... А городок-то у нас маленький. «А о чем ты раньше думала, дура, когда на речку с ним под ручку ходила? Тогда тебя это, вроде, не беспокоило...» — мысленно задавала она вопросы себе и не находила ответы. Видя нерешительность гостя, она решила действовать. Резко подойдя к нему, с лукавой ухмылкой она произнесла:

— А тебе не всё равно? Или я не баба по-твоему? Что-то вас, мужиков, тянет именно к таким развратным, как я. Вот только настоящий мужик особо неразговорчив и трепать понапрасну языком не станет, а уж я постараюсь не разочаровывать его сейчас и в будущем... Подумай, мой тигренок!

Кирилл смотрел в эти бездонные искрящиеся глаза, эту широко открытую добродушную улыбку, ощущал, как мать своей рукой кладет его руку на свой живот.

— Да я, вообще-то, не болтун... И умею ценить женское внимание... — улыбнулся он в ответ.

— Спасибо тебе, дорогой. Я и не сомневалась в тебе.

— Ну и как оно? Того стоило? — улыбаясь, спросил гость.

— Однозначно! Таких оргазмов у меня даже с мужем никогда не было, а уж он у меня ещё тот развратник.

— Ну, тогда... На диванчик?

— Как скажешь, тигренок! Знаю, что мама вас с отцом бросила в Германии и с немцем уехала. Так что я теперь и твоя мамочка тоже...

— Вот это здорово... — засмеялся Кирилл. — Давно хотел бы я свою мамочку оттрахать за такое, да она больно далеко.

— Хмм... вот и случай тебе представился! — засмеялась мать. — Трахай меня, как тебе захочется. Только с животом осторожнее!

— Знаете, — начал Кирилл, — я, пожалуй, в душ...

— Давай, тигренок, а я пока постелю нам.

Через несколько минут, чистый и довольный, Кирилл вышел из ванны и поспешил в зал. Там его уже ждалась мать, обнаженно лежавшая, на атласной простыне.

(продолжение следует)